

A fantastical landscape featuring towering, jagged rock formations that resemble ancient spires or pillars. The sky is filled with numerous flying creatures, possibly dragons or large birds, soaring through a cloudy sky. The ground is a dry, sandy path leading into the distance, with a lone figure walking away from the viewer. The overall scene is one of epic fantasy and adventure.

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 9

Радик Сайфетдинович Яхин

Башкирское фэнтези 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73190453

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, переживающем Медленный Распад, где законы реальности трещит по швам, а пространство и время ведут себя как безумные, уцелевшие люди цепляются за островки стабильности – Узлы. В одном из таких Узлов, «Каменном горниле», трудится последний Картограф Хаоса – старик Рамаза. Его миссия кажется тщетной: фиксировать на пергаменте неуловимые аномалии, которые меняются быстрее, чем он успевает их описать. Его мир – это комната, пропахшая плесенью и чернилами, где механический голус перемалывает грибы для чернил, а магический кристалл отгоняет тени не-мест.

Но всё меняется, когда на пороге появляется Сафия – девушка из-за Края Карты, места, которого нет на свитках Рамазы.

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 9

Картограф Хаоса

Мир не кончился с грохотом. Он сделал это тихо, как рассыпающийся в пальцах сухой песок. Не война, не чума, не падение небесных светил. Просто однажды пространство перестало слушаться собственных законов. Твердь земная обрела свойства жидкости, геометрия – симптомы безумия, а время в некоторых местах текло, как сироп, или скакало, как испуганный заяц. Это называли Медленным Распадом. Те, кто выжил в первые десятилетия хаоса, цеплялись за островки стабильности – Узлы. И были те, кто пытался это безумие запечатлеть, упорядочить, хотя бы на бумаге. Картографы Хаоса. Последние хронисты уходящей реальности. В Узле под названием «Каменное горнило», в крошечной комнате, заваленной свитками и пахнущей плесенью, чернилами и страхом, работал последний из них – старик Рамаза.

Рамаза отложил кисть из крысиного хвоста и зажмурился, пытаясь унять дрожь в пальцах. Перед ним лежала незаконченная карта Блуждающих Болот. Болота эти были коварны не трясинной, а памятью. Они воровали у путников воспоминания, оставляя в их головах зияющие пустоты, которые

затем заполнялись ложными, сладкими и ядовитыми картинами былого счастья. На карте нужно было обозначить не только изгибы троп, но и временные аномалии, участки «выцветания разума». Рамаза знал: пока он выводил здесь акkuratные строки легенды, сами Болота уже уползли на полтора километра к западу, обросли новыми «ловцами снов» и, возможно, породили дочернюю аномалию. Его работа была попыткой зачерпнуть воду решетом. Он это понимал. Но другого способа помнить, что мир когда-то был иным, не существовало. Его скрипучий голус – механический жук размером с кошку, собранный из обрезков меди, шестеренок и осколков тишины, – щелкал челюстями, перемалывая кору особого гриба для чернил. В углу потрескивал магический кристалл, отгоняя от Узла сползающие тени не-мест. Внезапно голус замер, насторожил антенны. Кто-то стучал в тяжелую дверь, заклеенную свинцовыми полосами. Не по расписанию. Поставщики глины и пергамента приходили раз в луну. Рамаза нахмурился. Он не ждал гостей. Стук повторился, настойчиво, но без угрозы. Старик вздохнул, погладил голуса по теплой спине, подошел к двери и отодвинул тяжелый засов. В проеме стояла девушка. Ей на вид было лет восемнадцать, не больше. Одежда – поношенная, но крепкая дорожная кожанка, за плечами – скромный ранец. Лицо было удивительно спокойным, с темными, очень внимательными глазами, в которых не читалось ни страха, ни благоговения перед Картографом. «Сафия», – представилась она просто, без

титолов. «Ищу работы. Помощника». Рамаза фыркнул. «Помощника? Мне нужен не помощник, мне нужен двойник, тройник да десяток лишних рук. Мир рассыпается быстрее, чем я успеваю его описывать». Он уже собирался захлопнуть дверь, но девушка не двинулась с места. «Вы описываете следы, мастер Рамаза. То, что уже произошло. Это как рисовать портрет по пеплу после пожара». Старик замер, уколотый точностью формулировки. «А ты что предлагаешь?» Сафия шагнула через порог, не дожидаясь приглашения. Ее взгляд скользнул по картам на столе, по безумным спиралям Реки, текущей в гору, по зловещим пятнам Леса, где деревья помнят будущее. «Я предлагаю искать источник. Зерно хаоса. Не картировать беспорядок, а попытаться понять его грамматику». Рамаза рассмеялся, сухо и безнадежно. «Граматику? Это не язык, дитя. Это агония». «Всякая агония имеет причину», – парировала Сафия. Она сняла ранец, достала оттуда не свиток, а странный предмет: плоскую каменную плитку, на которой мерцали и перетекали, как ртуть, абстрактные узоры. Это не была карта в его понимании. Это была... схема. Динамическая модель небольшой аномалии, возможно, тех самых Блуждающих Болот. И Рамаза, взглядевшись, с изумлением понял, что видит не только текущее состояние, но и вероятные векторы смещения. Его сердце, старое и уставшее, вдруг екнуло, наткнувшись на призрачную, невозможную надежду. «Откуда у тебя это?» – прошептал он. Сафия встретила его взгляд. «Я пришла из-за Края Карты, ма-

стер Рамаза. Из места, которого в ваших свитках нет. И у меня есть теория. Что Распад – не конец. Это... трансформация. Но слепая, болезненная. И если мы не научимся ее направлять или хотя бы предсказывать, Узлы долго не продержатся». Рамаза долго молчал. Голус тихо щелкал. Кристалл потрескивал. Снаружи, за стенами Узла, выл ветер, несущий в себе шепот ломающихся законов. Он посмотрел на свои дрожащие руки, на горы безнадежной работы, на лицо этой странной девушки, в котором была решимость, не знавшая сомнений. «Теории, – буркнул он наконец, отворачиваясь к столу. – От них сыт не будешь. Но руки у тебя, вижу, целы. Можешь начать с помола грибов. И расскажи, что ты видела за Краем. Все. Каждую деталь». И он сам не понял, когда это решение созрело. Возможно, в тот миг, когда она назвала его труд рисованием по пеплу. Сафия кивнула, уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки. Она скинула плащ, подошла к голусу и без тени страха протянула руку, чтобы погладить его металлический панцирь. Жук замер, затем издал мягкое урчание. Мир распадался. Но в комнате Картографа Хаоса что-то новое, хрупкое и невероятное, только что родилось.

Первые дни Сафии в «Каменном горниле» прошли в молчаливом наблюдении и тяжелой работе. Она молола грибы, растирала минералы, очищала пергамент, училась понимать причудливую систему знаков Рамазы. Старик, в свою очередь, изучал ее. Девушка была поразительно неумоима, ее

внимание никогда не притуплялось от монотонной работы. Она задавала вопросы. Не о том, как смешивать чернила, а о том, почему для карты Поля Кричащих Камней использовался именно индиго, а не лазурит. «Цвет влияет на восприятие, – говорил Рамаза, неохотно втягиваясь в объяснения. – Индиго несет оттенок глубины и покоя, пусть и ложного. Лазурит... лазурит слишком ярок. Он может привлечь внимание самих Камней». Сафия кивала и делала пометки в своем блокноте, не пергаментном, а из странного гибкого материала, который она называла «кожей молчания». По вечерам, когда Рамаза откладывал кисть, изнемогая от головной боли, вызванной постоянным созерцанием абсурда, она рассказывала. Рассказывала о Землях за Краем. О Месте, которое она называла «Порогом». Там пространство было не стабильным, но и не хаотичным. Оно было... текучим. Подчинялось не законам физики, а каким-то иным принципам, напоминающим сон или музыку. «Там есть узоры, мастер, – говорила она, ее глаза блеснули в свете кристалла. – Повторяющиеся мотивы в хаосе. Как припев в песне, которую поет безумец. Сначала кажется, что это просто случайность. Но если наблюдать долго...» Она показала ему свою каменную плитку. Теперь Рамаза разглядел: мерцающие линии образовывали фракталы, бесконечно усложняющиеся, но в основе которых лежала простая, почти элегантная формула. «Ты думаешь, весь Распад структурирован?» – спросил он, и в его голосе прозвучало непроизвольное уважение. «Я думаю, у него

есть ритм. И если мы найдем этот ритм, мы сможем предсказывать появление новых аномалий. Не просто фиксировать, а... предвосхищать». Эта идея казалась ересью. Картограф был хронистом, не пророком. Но Сафия настаивала. И однажды предложила испытать свою теорию. На подходе к «Каменному горнилу» лежали Поля Молчаливого Ветра – зона, где звук умирал, рождаясь, и где тени двигались с опозданием на три секунды. Рамаза нанес их на карту два месяца назад. По его расчетам, зона должна была сместиться к юго-востоку. Сафия, проанализировав свои записи и сверив их со старыми картами из архивов Рамазы, указала на северо-запад. «Здесь, – ткнула она пальцем в пустое место на черновике. – Через сорок часов. И появится не просто смещение. Появится «дочка» – небольшая зона инвертированной температуры». Рамаза не верил. Но позволил ей организовать наблюдение. Они вдвоем (голус, на удивление, привязавшийся к Сафии, тащил оборудование) вышли к границе Узла. Установили маятники, чувствительные к флуктуациям реальности, чаши с замерзающей жидкостью. И стали ждать. Сорок часов. Рамаза дремал урывками, мучимый сомнениями. Сафия бодрствовала, ее взгляд был прикован к приборам. На тридцать девятой часе маятники замерли, а затем начали раскачиваться в противофазе. Воздух перед ними заструился, как над раскаленным камнем. И прямо на указанном Сафией месте пространство словно вывернулось наизнанку. На снегу расцвел участок раскаленного песка, с

которого поднималась маревающая дрожь. Температурный инверсный карман. Точно как она предсказала. Рамаза молчал. В его груди бушевало странное чувство – смесь потрясения, профессионального унижения и дикой, неконтролируемой надежды. Он смотрел на Сафию, которая, не выражая торжества, быстро зарисовывала параметры аномалии. В этот миг старый картограф понял две вещи. Первая: все, что он делал до сих пор, действительно было историей. Археологией настоящего. Вторая: эта девушка, пришедшая из ниоткуда, возможно, единственный, кто пытается писать его биографию. «Как?» – только и выдохнул он. Сафия подняла на него глаза. «Ритм, мастер Рамаза. Я слышу его отголоски в своих записях с Порога. Здесь, в старых землях, он искажен, заглушен... как эхо в разрушенном зале. Но его можно уловить. Нужно только научиться слушать не ушами». Она коснулась пальцем своего виска. Рамаза вздохнул. Мир распался, но впервые за долгие годы у этого распада появилось лицо. И имя. Сафия. Он больше не был последним картографом. Он стал учеником. И это было страшнее и прекраснее, чем все аномалии, вместе взятые. С этого дня их работа изменилась. Рамаза продолжал вести хронику, но теперь его свитки дополнялись странными диаграммами Сафии, ее прогнозами и формулами. Они стали составлять не просто карты, а... прогнозные атласы. Карты возможного будущего хаоса. Это знание было опасным. Если о нем узнают правители Узлов, они захотят использовать его как оружие или ин-

струмент контроля. Поэтому они работали в тайне. Но слухи о том, что старый картограф и его странная помощница могут предвидеть сдвиги, уже поползли по «Каменному горнилу». И однажды к ним снова постучались. Но на этот раз стук был тяжелым, официальным, и за дверью слышалось бряцание оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.